

## **ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.3.114

### **В ПОИСКЕ ЕДИНСТВА. ВЛАДИМИР ЗАБУГИН О ДАНТЕ, ИТАЛЬЯНСКИХ ГУМАНИСТАХ И ВИЗАНТИИ**

**О.И. Кусенко**

ФГБУН «Институт философии РАН», г. Москва

Своей мечтой о воссоединении христианского мира Владимир Сергеевич Соловьев вдохновил поколение мыслителей русского религиозно-философского ренессанса к поиску реальных путей для осуществления подобного единства. В настоящей статье речь пойдет об одном из подобных проектов, состоявшихся в Италии при деятельном участии Владимира Николаевича Забугина, всё творчество которого проникнуто стремлением к преодолению историографических разрывов между эпохами и культурами. «Восточная тема» в итальянском Ренессансе, тема контактов между итальянскими авторами и греко-византийской и славянской культурными традициями в эпоху Возрождения является одной из центральных в ренессансных исследованиях Забугина. Основным материалом настоящей работы послужат тексты, опубликованные в журнале «Roma e l’Oriente», выходившем в Италии в первые десятилетия XX в.

**Ключевые слова:** *В.Н. Забугин, ренессансные исследования, итальянский Ренессанс, проект объединение церквей, В.С. Соловьев, журнал «Roma e l’Oriente», Данте.*

Есть такие люди, для которых Великий раскол, случившийся в 1054 г., продолжает быть личной драмой. Все свои духовные и интеллектуальные силы они направляют на его преодоление, на сближение двух миров: западно-католического и восточно-православного. Таким человеком был Владимир Николаевич Забугин (1880–1923) – русский мыслитель, историк, филолог, специалист по классической и ренессансной культуре. Его наследие очень обширно и разнообразно<sup>1</sup>. Я сосредоточусь на теме объединения Востока и Запада, византийской, греко-православной и латинской католической культуры в судьбе и творчестве Забугина.

---

<sup>1</sup> Подробнее об основных темах творчества Забугина см.: [8; 9]. Самый полный анализ наследия Забугина содержится в монографическом исследовании, опубликованном на итальянском языке, см.: [14].

### **На пути к единству**

Вначале несколько слов об интеллектуальной биографии нашего автора, которая крайне важна для настоящей темы. Владимир Забугин, пожалуй, самая яркая фигура в истории русских ренессансных исследований первой половины XX в., представитель петербургской школы медиевистики, ученик А.Н. Веселовского, Г.В. Форстена, Н.И. Кареева, он впитал в себя лучшие традиции русской гуманитарной культуры XIX–XX вв. и синтетический пафос эпохи русского религиозно-философского ренессанса.

В 1903 г., окончив Санкт-Петербургский университет с золотой медалью, превосходно освоив греческое и латинское классическое наследие и языки, Забугин уехал в Италию, где в Вечном городе обрел свою вторую родину, виртуозно овладев итальянским языком и написав на нем все свои основные работы: о творчестве римского гуманиста Помпония Лэты и его академии [4; 16; 17], об иконографии «Божественной Комедии» Данте [25; 26], об образе Вергилия в итальянском Ренессансе [27; 28], об истории «христианского Возрождения» в Италии [29]. Монография о Помпонии Лэте ввела его в академический мир Рима: он становится преподавателем гуманистической литературы в Римском университете La Sapienza, членом престижной Академии аркадийцев, учеником, другом, учителем целого круга ведущих итальянских специалистов в области классической и гуманистической филологии, медиевистики и кодикологии. О том, какой вклад Владимир Забугин внес в становление итальянской гуманистической филологии и как стал частью ее традиции, можно прочесть в недавно опубликованном докладе [12] известного итальянского филолога, историка, скриптора Ватиканской библиотеки Аугусто Кампана, читанного им в Академии аркадийцев по случаю 100-летнего юбилея со дня рождения Владимира Забугина.

История итальянского ренессанса стала основным предметом исследований Владимира Забугина. Он не просто следовал в русле уже устоявшихся к началу XX столетия взглядов и мнений относительно сути ренессансной эпохи, но постепенно создавал собственную концепцию культуры Возрождения, где значительную роль занимала христианская компонента. Концепция «христианского Ренессанса» Забугина внесла важный вклад в историю идей, показав континуальность развития итальянской культуры в эпоху Средневековья и Возрождения, а также перманентную органичную включенность в нее наследия языческого мира. В древних кодексах в тиши итальянских библиотек он находил многочисленные примеры того, как к основе христианской ментальности прививался крепкий черенок классической культуры и как последняя в одни периоды ярче, в другие – слабее служила христианской ментальности с самых первых веков.

Как человек, имеющий прямой доступ к первоисточникам, он считал обязанностью рассеивать стереотипы и предубеждения относительно предметов своего научного интереса: средневековой и ренессансной культуры, церковной истории. В его монографии «История христианского Возрождения в Италии» находим такие строки: «Великий русский мыслитель Федор

Михайлович Достоевский, размышляя над историческими метаморфозами “католической идеи”, совершает, как и многие его соотечественники, грубую ошибку – он упрекает средневековый католицизм в чистом и безыскусном заимствовании римской имперской доктрины и римского юридического образа мысли, которыми католическая церковь замещает Священное Писание и учение Святых отцов. На самом деле, с самых первых веков Церковь непрестанно использовала и приспособливала для своих нужд наследие античного мира; подобным образом, водружая в собственных храмах языческие статуи, Церковь заботилась в первую очередь о том, чтобы приделать христианскую голову к языческому торсу. Она использовала бывшие святилища старых низверженных божеств, но размещала в них то, что является душой христианского храма – алтарь истинного Бога и Крест, на котором было распято Воплощенное Слово» [6, с. 121].

Не будет преувеличением сказать, что всё творчество Забугина проникнуто стремлением преодоления историографических разрывов между эпохами и культурами. И в своей частной жизни Забугин также стремился к некому синтезу и единству, так он становится католиком восточного обряда, выбрав своим приходом старинный монастырь Гроттаферрата, основанный в далеком 1004 г. базилианским монахом Святым Нилом Россанским, память которого равно чтится в католической и православной церквях. Этот монастырь византийского обряда непрерывно после Великого раскола продолжал жить по уставу Василия Великого. Для Забугина, безусловно, было важно стать частью духовной жизни именно такого аббатства, которое было основано еще до схизмы, частью «уголка христианского Востока у врат Рима, греческого острова в широком латинском море» [18, р. 3], как он сам описал эту обитель во вступительном слове<sup>2</sup> к первому номеру журнала «Roma e l’Oriente».

Нередко в научной литературе Забугина, помимо всего прочего, характеризуют как католического деятеля. Это неверно. Несмотря на его активное участие в жизни центров русского католицизма в Риме, он всё же был подчеркнуто именно греко-католиком и хотел ощущать себя членом Вселенской неразделенной Церкви, сочетая свое вхождение в лоно Католической Церкви с верностью литургическим традициям своей православной родины.

В аббатстве Гроттаферрата в 1915 г. Владимир Николаевич венчался с Амелией Марией Феста. Сохранились примечательные заметки об этом событии, опубликованные в журнале «Roma e l’Oriente»: «Профессор Владимир Забугин обвенчался с синьориной Феста Марией Фотини из Рима в нашем монастыре 4 июля. Это само по себе обыкновенное событие вызвало исключительный резонанс, так как сопровождалось обрядами и церемониями Восточной Церкви, к которой принадлежит жених. Излишне добавлять,

---

<sup>2</sup> Статья подписана: «Дирекция», но известно, что ее написал В.Н. Забугин.

что насколько велико было ожидание этого события, настолько необычайной была пышность священнодействия и многочисленно собрание друзей и гостей, с интересом за ним наблюдавших. ... Настоятель Гроттаферраты совершил таинство венчания после торжественной архиерейской литургии. Различные части сложной церемонии были предметом живого интереса собравшихся: иначе и быть не могло, учитывая многообразие и необычность никогда не виданных доселе ритуалов и символических жестов, полных таинственного священного смысла. Надевание обручальных колец и брачных венцов и обмен ими при помощи священника и свидетелей..., золотые венцы с простыми византийскими формами, а затем ритуальный обход вокруг центра храма под благоговеющую гармонию восточных песнопений..., всё это вместе было так величественно и одновременно просто, что невольно напоминало древние католические церемонии и традиции. Эта отнюдь не короткая церемония не могла не навеять присутствующим мысль о мистическом союзе между двумя Церквями, сочетающимися по милости Божией» [15, р. 81–82].

### **«Рим и Восток»**

Единение между христианскими Востоком и Западом было одним из главных чаяний Владимира Забугина, которому он подчинил всю свою личную и научную жизнь. Его искренняя убежденность в необходимости объединения восточной и западной церквей с сохранением всей их литургической, обрядовой и языковой полноты, а также осознание важности глубокого и беспристрастного познания расколотыми сторонами богослужбной жизни друг друга реализовали себя в амбициозном проекте – журнале «Roma e l’Oriente» (Рим и Восток) с примечательным подзаголовком «Rivista criptoferratense per l’unione delle chiese» (Криптоферратский журнал объединения церквей). Журнал публиковался с 1910 по 1921 г. в Италии при поддержке монастыря Гроттаферрата и имел своей целью конфессиональное сближение католиков и православных посредством проникновения в историю, культуру, искусство и богослужбные практики друг друга. Журнал выходил ежемесячно (иногда раз в два месяца, соединяя сразу два номера), статьи публиковались на итальянском, французском, греческом и латинском языках, а к участию привлекались ведущие историки церкви, филологи, специалисты по литургике, византистике и другим дисциплинам. Католическая аудитория регулярно получала подробную информацию о приходской, общекультурной и актуальной социально-политической жизни православного мира: о том, каким образом в православной церкви идет подготовка к Великому Посту, как празднуют Пасху Христову, что происходит в Русской православной церкви в революционное время, какие важные книжные новинки выходят в России и т. д.

В 1910 г. Владимир Забугин становится редактором журнала, а также одним из главных его авторов. Он – главный информатор итальянского читателя об особенностях православного культа, его святых, праздниках и пр.,

о социально-политических событиях, происходящих в славянских землях, о русских религиозно-философских течениях и богословских дискуссиях, он также часто публиковал рецензии на богословские философские и историко-культурологические книги, выходящие в России<sup>3</sup>. У Забугина была еще одна своя особая регулярная рубрика под названием «Греко-славянские религиозные вопросы у писателей Возрождения». В этой рубрике в течение десятилетия с 1910 по 1920 гг. он публикует статьи, касающиеся истории взаимоотношений православного Востока и католического Запада в эпоху Возрождения, а также разбирает то, как творчество отдельных ренессансных авторов связано с византийской культурой, последней теме посвящены, например, следующие статьи: «Данте и Восточная Православная Церковь» (в двух частях) [20; 21], «Данте и Восток» [24], «Марко Джироламо Вида – Сфорца Одди и Восточная Православная Церковь» [22], «Гуарино да Верона и Восток» [23] и другие работы. Подобные регулярные обращения редактора журнала к историческому ренессансному материалу имели двойную цель. Во-первых, были призваны показать духовное родство христианской Европы, случаи взаимного интереса и симпатии, преодолевающие разрывы и разделения. И, кроме этого, подобные исторические экскурсы, апеллируя к теориям и реальному опыту великих предшественников, несомненно добавляли оптимизма авторам и сочувствующей вопросу взаимопонимания между Востоком и Западом аудитории «Roma e l’Oriente». Во-вторых, конечно, ренессансный материал являлся для Забугина самоцелью, именно он представлял сугубый исследовательский интерес для нашего автора: статьи по «восточному вопросу», опубликованные на страницах «Roma e l’Oriente», явились подготовительным материалом для его монографических работ, например, тексты о Данте легли в основу трудов «Данте и иконография загробного мира: византийское, романское, готическое искусство» [25]. «Классический средневековый загробный мир Данте в эпоху Возрождения. Часть первая. Италия XIV–XV вв.» [26].

Цикл работ Забугина, посвященных «восточной теме» в итальянском Ренессансе, был новаторским для своего времени. Уникальность компетенций Забугина в данной теме, состоящая в его блестящем знании одновременно православного и католического универсумов, в знании языков, тонкостей православного сакрального искусства и духовной литературы обеспечивало особую экзегетико-эстетическую виртуозность русского автора в вопросе взаимопроникновения и взаимовлияния двух культур на протяжении ренессансного периода.

### **Следы Соловьева**

Говоря о проекте журнала «Roma e l’Oriente», невозможно обойти молчанием фигуру Владимира Сергеевича Соловьева – мыслителя, который оставил представителям русского религиозно-философского ренессанса

---

<sup>3</sup> Подробнее о рецензиях Забугина см.: [5].

свое интеллектуальное завещание и, в числе прочего, свою христианскую политику. В работе «Великий спор и христианская политика» в самом начале седьмого раздела под названием «Общее основание для соединения церквей» Соловьев пишет: «Свободное единение человечества в Церкви Христовой есть цель христианской политики. Эта цель не может быть достигнута, пока самый первообраз вселенского единения на земле – видимая Церковь – пребывает разделенною. Поэтому первая задача христианской политики есть восстановление церковного единства» [11, с. 311]. Владимир Сергеевич был несомненно важной знаковой фигурой для Забугина, и вслед за ним он ставит себе целью способствовать единению видимой земной Церкви. У Владимира Николаевича не найти конкретной теоретической базы по вопросу объединения церквей, он был скорее практиком и, как считает автор, именно по этой причине его близости к реальным экуменическим процессам он во многом расходился с Соловьевым. Например, у него нет той эсхатологической напряженности, которая присуща последнему. В одной из статей журнала «Roma e l’Oriente» Забугин разыгрывает диалог между двумя собеседниками по вопросу объединения церквей. В репликах Богоискателя автор выражает соловьевскую мысль о невозможности произвести это объединение лишь человеческими силами: «... предприятие по объединению Востока и католического Запада превосходит человеческие силы – считает забугиновский Богоискатель – и не остается ничего другого, как предположить вместе с Соловьевым объединение под властью Антихриста – или каким-то другим еще более сверхъестественным образом (*sic*)» [19, р. 267]. Однако, очевидно не желая разделять скепсиса позднего Соловьева, Забугин следом вкладывает в уста молодого Богоискателя реплику, пронизанную надеждой на реальное земное объединение, которое «... будет происходить постепенно, завоевывая избранные умы, горящие сердца, людей вроде Соловьева, и, наконец, произойдет ... усилиями новых людей и совершенно новыми методами без дипломатических переговоров... но общим усилием живой и неравнодушной любви» [19, pp. 268–269]. К таким умам, несомненно, причислял себя Забугин, подчинивший всю свою частную, общественную и научную жизнь прокладыванию путей к будущему единству.

Мы не будем углубляться в, несомненно, весьма интересный вопрос о различии взглядов Соловьева и Забугина на возможные пути восстановления церковного единства и в целом в их весьма разные общецерковные воззрения. Укажу лишь на расхождение двух авторов по византийскому вопросу, который является темой настоящей публикации. История Византии, хотя и не была специальным предметом научных исследований Забугина, всегда оставалась в фокусе его внимания в связи с важной для него «восточной темой» в итальянском Ренессансе. Вряд ли бы Владимир Николаевич согласился с соловьевской трактовкой византийской истории и его критики Восточной Римской империи и ее культуры, которую он скорее всего напрямую не знал, но, если бы был о ней осведомлен, то совершенно точно не

преминул бы покритиковать данную установку, как он поступил в вышеприведенном примере со взглядом Достоевского на католическую идею. В архивной публикации известного специалиста по творчеству Соловьева Николая Всеволодовича Котрелёва, представляющей собой тест рецензии русского философа на книгу историка-византиниста П.В. Безобразова о Михаиле Пселле, находим такой пассаж: «В последнее время как среди специалистов, так и в общей литературе заметно у нас стремление оправдать и возвеличить византийскую цивилизацию, к которой, будто бы, западные историки относились с пристрастным недоброжелательством<sup>4</sup>. Эта реакция в пользу Византии, при всей своей неверности, приносит ту пользу, что возбуждает интерес к одной из самых важных и поучительных частей всемирной истории. Но результаты добросовестного изучения опровергают упомянутую тенденцию. История Византии, кроме фактической связи ее с развитием нашей народности, важна и поучительна, как предостережение и урок, а не как образец для подражания. Несмотря на чистоту своей веры и на большие способности своих граждан, царство Константина должно было погибнуть, потому, что его чистая вера не имела никакого осуществления в жизни общества, а богатые способности византийцев не были направлены ни к какому достойному практическому идеалу. При этом безмерное самомнение мешало им признавать, а, следовательно, и исправлять свои общественные недостатки, которые, наконец, перешли в полную порчу и разложение» [7, с. 64–65].

Этот негативный образ Восточной Римской империи, связывающий Византию и византизм с моральным разложением, имеет длительную историю в русской и западной мысли. Отрицательный миф о Византии основательно закрепился в русской философской культуре со времен П.Я. Чаадаева. Как профессиональный филолог, историк и кодиколог Забугин не мог разделять существенный антиисторизм, присущий русской интеллектуальной культуре. Его собственные философские спекуляции всегда подкреплялись глубоким знанием первоисточников, среди которых он буквально жил в Италии, в Риме. Нужно подчеркнуть, что несмотря на важность того идейного импульса, который дал В.С. Соловьев в вопросе христианской политики, Владимир Николаевич старался всё же синтезировать извечную антинормию Восток – Запад, а не культивировать ее.

### **Византия и ренессансные авторы**

Одной из центральных линий в ренессансных штудиях Владимира Забугина становится тема контактов между европейским гуманизмом и

---

<sup>4</sup> Забугин входит в ряды этих специалистов. В статье «Византийские историки и итальянские гуманисты» [3], о которой речь пойдет ниже, он демонстрирует определенный историографический сдвиг в сторону доброжелательного отношения ренессансных авторов к Восточной империи, ее истории и культуре.

греко-византийской и славянской культурными традициями в период Ренессанса. Интерес русского мыслителя состоит в том, чтобы понять, как относились итальянские гуманисты к Византии, что они черпали для себя из ее культуры, какими знаниями они обладали о православном мире? Для своего первого крупного монографического исследования Забугин избирает фигуру Юлия Помпония Лэта, итальянского гуманиста, интересовавшегося историей и культурой Византии и даже побывавшего в пределах Руси.

Едва приехав в Италию, Забугин погрузился в изучение наследия Лэта<sup>5</sup>, в частности в работу над реконструкцией византийских источников, которые использовал римский гуманист в своей работе, и тех знаний о восточно-православном мире, которыми он обладал. У Лэта имеется работа под названием «Цезари», специально посвященная биографии византийских императоров. Данное произведение представляет своего рода учебник по истории римско-византийской империи с III по VII вв. ее существования, но в нем также явно прослеживаются социально-философские и политические взгляды римского гуманиста. В этой работе он чаще анонимно (что было обычной практикой для эпохи) пересказывает византийских историков. Собственно, Забугин реконструирует источники, которые цитирует и пересказывает Лэт: на первом и главном месте, как было установлено русским исследователем, идет Зонара, и эпизодически Лэт обращается к Зосиму, Созомену, хроникам Евсевия и Кассиодора. Забугин показывает, что Помпоний Лэт был тем мыслителем, который предложил необычную для своего времени точку зрения на Восточную Римскую империю, поколебав тем самым устоявшиеся историографические взгляды. «"Цезари" Помпония Лэта, – утверждает Забугин, – писанные в течение двух последних десятилетий XV века, знаменуют собой высшую точку гуманистического филэллинизма <...> Помпоний рассказывает историю Восточной империи с чисто восточной точки зрения, следуя шаг за шагом за повествованием Зонары; василевсы для него единственные законные наследники цезарей старого Рима, и даже сама папская власть для него основывается отчасти на императорских привилегиях, данных из Константинополя: к Юстиниану или даже Фоке относится он не иначе, нежели к Северам или Флавиям Константинам» [3, с. 87]. В «Цезарях» Лэта русского исследователя поражает его смелая «атака» на традиционное западное восприятие Византии как периферии (притом не весьма дружественной) христианского мира, а также редкое для подобных текстов отсутствие «вероисповедальной точки зрения». Последнее, согласно Забугину, выражается в подчеркнуто слабой заинтересованности Лэта в церковных событиях и в периодически выражаемом им желании видеть христианский дом единым. Пассажи, выражающие подобное желание, Забугин тщательно воспроизводит в своей монографии. Например, когда после хвалебных слов в адрес императора Константина

---

<sup>5</sup> Подробнее о погружении В. Забугина в изучение наследия Лэта и русскоязычном издании монографии о римском гуманисте см.: [10].

Лэт переходит к комментарию актуальных событий христианской политики, «он, – пишет Забугин, – совершенно неожиданно начинает проповедовать единение “христианской республики” против неверных. “Надо сражаться против врагов веры, – говорит глава Академии; – теперь, наоборот, христиане терзают сами себя междоусобными распрями, не щадя ничего, ни возраста, ни священного сана, ни храмов, ни могил. Злые демоны заставляют дарить долгий мир истинным врагам нашим и подымать окровавленную руку на братьев. Неистовые Бассариды не нападали друг на друга; преступная Агава, убившая не вакханку, а нечестивого сына, придя в себя, удалилась в пещеру и отдалась покаянию... мы, христиане, все воины под единым знаменем Креста, наша вера – единое государство, единый Божий град, в котором мы все сограждане”» [4, с. 159–160].

В своем исследовании Забугин старательно исследует биографию Лэта и подчеркивает те факты, которые свидетельствуют о его симпатии к православной культуре. Так, Забугин особо выделяет то обстоятельство, что римский гуманист чтит греческую икону Божией матери, находящуюся на Квиринале.

Работая в Ватиканской библиотеке, Забугин проделал титаническую работу по выявлению и атрибуции текстов, принадлежащих перу Помпония Лэта, а в ряде случаев опроверг авторство приписываемых римскому гуманисту текстов. Своим исследованием Владимир Николаевич не только показал, что Лэт не был односторонним фанатиком языческой культуры (что часто вменялось в вину гуманисту как его современниками, так и позднейшими исследователями) и что его христианское мировоззрение и любовь к античности гармонично сочетались друг с другом, но также Забугину удалось убедительно продемонстрировать то, что Помпоний Лэт был тем ренессансным автором, в сознании которого греко-православный и католический миры были взаимопринимаемы.

Другой работой Забугина, призванной продемонстрировать живой интерес со стороны итальянских ренессансных авторов к православной греко-византийской культуре, стала статья «Византийские историки и итальянские гуманисты», опубликованная в 1914 г. на русском языке в сборнике, посвященном 40-летию профессорской деятельности одного из учителей Владимира Николаевича – известному историку Николаю Ивановичу Карееву. Данная статья, по всей видимости, была написана примерно в то же время, когда Забугин работал над русской версией сочинения «Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование» (которая весьма сильно по объему и содержанию отличается от двухтомной итальянской монографии), отпечатанного в 1914 г. в типографии М.М. Стасюлевича. В статье Забугин показывает, что в целом в XIV–XV вв. отношение к Византии и историографические приемы трактовки сюжетов из ее истории менялись: от типично западного средневекового взгляда на Византию как «лишь связующее звено между империей классических Цезарей и Священной империей германского народа» [3, с. 86], которую мы находим еще у итальянского гуманиста

XIV в. Бенвенуто да Имола, опиравшегося исключительно на западные источники в своих характеристиках византийских императоров (главным образом на *Liber Pontificalis*), до взгляда более комплементарного, симпатизирующего Восточной Империи. Последнее отношение Забугин прослеживает в сочинениях Флавио Бьондо – участника Ферраро-Флорентийского собора, воочию наблюдавшего блеск византийского величия, в текстах уже упомянутого римского гуманиста Помпония Лэта, у знаменитого венецианского эллиниста Джованни Батиста Игнацио, а также других авторов, например, у кардинала-библиофила Гульермо Сирлето с его шикарным собранием византийских рукописей эпохи Возрождения. Забугин перечисляет имевшиеся в коллекции последнего труды по истории Византии, но также упоминает о том, что в каталоге его рукописей широко представлены святоотеческие тексты, православная богословская литература, сочинения по греческой литургии. На полях рукописей Забугин отмечает обильные комментарии, принадлежащие перу хозяина библиотеки, что свидетельствует о неподдельном интересе к византийско-православному миру, существовавшему среди определенного круга итальянских интеллектуалов.

Статья «Византийские историки и итальянские гуманисты» демонстрирует проделанную Забугиным работу по составлению подробного списка византийских исторических рукописей Ватиканской библиотеки (как он сложился к середине XVI в.) и анализу включенных в данный список текстов. Забугин был нацелен в первую очередь показать, как в XV–XVI вв. памятники византийской историографии проникали в европейское научное сознание, каково было общепринятое представление о них и в какой мере западными гуманистами была усвоена концепция того или иного византийского автора. В этой работе он во многом следует исследовательскому руслу своего друга и учителя – итальянского филолога, одного из основателей гуманистической филологии Ремиджо Саббадини<sup>6</sup>, опубликовавшего в 1910-е гг. двухтомную монографию «Открытие латинских и греческих кодексов XIV и XV вв.».

Основываясь на другой работе Саббадини «Гуарино да Верона и собрание его писем изданных и неизданных» (1885), Забугин публикует в журнале «*Roma e l'Oriente*» статью «Гуарино да Верона и Восток», в которой комментирует византийскую тематику, взятую из писем этого гуманиста-эллиниста, жившего в Ферраре во времена Ферраро-Флорентийского собора, являвшегося учеником Хризолора, корреспондентом Исидора и Виссариона. Забугин пишет: «Гуарино нечасто заводит речь о греческой церкви, а когда говорит о ней, то говорит плохо. Он грубо отзывался о приходящей в упадок ромейской державе, хоть и с меньшей жестокостью, чем Петрарка,

---

<sup>6</sup> Крупнейший итальянский филолог конца XIX–XX вв., был центральной и очень авторитетной фигурой в кругах латинистов и исследователей итальянского гуманизма. Забугин считал его своим учителем и посвятил ему первый том своей монографии «Вергилий в итальянском Ренессансе».

но без всякого сочувствия. Его филэллизм, по существу, ограничивается классическим миром и веком великих Отцов Восточной Церкви» [23, р. 107]. Однако Забугин отмечает множество случаев симпатии Гуарино к Востоку, например, его «очарованность Хризоломом», его интерес к истории монастыря Святого Нила (Гроттаферрата), о котором ему рассказал в письме Франческо Барбаро, побывавший там в компании Леонардо Бруни, его перевод гомилий «О Посте» святителя Василия Великого, который он посвящает Евгению IV, и в котором прослеживается весьма общий намек гуманиста на церковное единение. «“Филэллизм” Гуарино, – подытоживает Забугин, – содержит в себе большой потенциал. Он ученый, гуманистический, но далеко не свободный от типично венецианской ненависти к современным грекам» [7, р. 109].

Своим текстом о Гуарино да Верона Забугин подчеркивает одновременно два важных факта: во-первых, то, что история итальянского ренессанса немислима без греческих христианских текстов (не только классических), и, во-вторых, конечно, дорогой ему факт, состоящий в том, что в своих художественных интуициях итальянские гуманисты часто сближали католический и православный миры теснее, чем в прямых высказываниях.

### **Данте и Восток**

Возможно, самые интересные страницы «восточной темы» в итальянском Ренессансе касаются герменевтики дантовского загробного мира с точки зрения встречи в нем Запада с греко-византийской культурой. Данте был, конечно, главным итальянским автором и первой величиной для Забугина, как, впрочем, и для многих представителей Серебряного века русской культуры. Для него творчество Данте выражает суть Проторенессанса с его, с одной стороны, устремленностью к всеобъемлющему синтезу культуры (христианской и языческой), с другой – поиском нового языка художественного выражения.

В журнале «Roma e l'Oriente» за 1915 и 1916 гг. Владимир Николаевич публикует статью в двух частях о византийских сюжетах в творчестве Данте. Наш автор начинает с того, что скрупулезно выделяет все места в «Божественной Комедии», которые напрямую касаются Византии, ее политических деятелей и святых, а также отношений между западной и восточной ветвями христианства. Забугин приходит к выводу, что Византия занимает весьма скромное место в размышлениях Данте: «Великий поэт, несмотря на то, что жил в Равенне среди такого великолепия отголосков византийского прошлого, кажется, прошел мимо воспоминаний греческой Церкви, едва отдавая себе в этом отчет» [20, р. 211]. Забугин приводит строки из «Монархии» Данте, где поэт говорит о Карле Великом, его союзе с римскими папами и коронации в Риме, упоминая Византию: «Говорят еще, что папа Адриан призвал Карла Великого к себе, чтобы он защитил Церковь, притесняемую лангобардами во времена Дезидерия, короля их;

Карл получил от него императорское достоинство, несмотря на то, что Михаил был императором в Константинополе» [1, с. 123–124]. «Это единственное место из всех сочинений Данте, – пишет Забугин, – где явно упоминается Византия» [20, р. 211]. Русский исследователь ссылается еще на одно место из «Божественной Комедии», где поэт прибегает к перифразе, говоря о Византии:

*С тех пор как взмыл, послушный Константину,  
Орел противу звезд, которым вслед  
И Он встарь парил за тем, кто взял Лавину,  
Господня птица двести с лишним лет  
На рубеже Европы пребывала,  
Близ гор, с которых облетела свет... [2, с. 379].*

Владимир Николаевич полагает, что на основании немногочисленности и, главное, сути упоминаний о Византии, а также зная об особой приверженности Данте Римской империи, о его мечте возрождения былой славы Рима, величия Италии, можно заключить, что у поэта имелось много предубеждений относительно Восточной Римской империи. В вышеприведенном пассаже из кантики «Рай» мы видим, что, согласно Данте, Константин Великий «противу звезд» перенес столицу империи в Константинополь, разрушив таким образом дело Энея, легендарного предка основателей Рима.

Казалось бы, на этом можно остановиться в исследовании дантового отношения к греко-византийскому миру, но Забугин делает следующий новаторский шаг в истории дантоведения: он берется анализировать многочисленные образы с фресок, мозаик, средневековых миниатюр и других памятников искусства разных регионов Италии, где бывал Алигьери, чтобы проследить греческие и византийские корни «Божественной Комедии». Обычно исследователя ищут литературные источники, чтобы прочитать произведение изобразительного искусства, но Забугин поступает наоборот. Он полагает так: «Если Византия занимает более чем скромное место в литературных реминисценциях Данте, то нельзя сказать того же о художественных» [20, р. 216]. Исследователь приводит множество примеров из кантик «Ад», «Чистилище» и «Рай, где образы Данте вдохновлены восточным, византийским искусством. В «Аду» он указывает на образ Гериона – змея с пестрой кожей, двумя короткими лапами и человеческим лицом. Герион – символ обмана, страж восьмого круга ада, на спине которого поэт и его проводник Вергилий совершают полет. Забугин пишет следующее: «Данте любит растворять элементы одного литературного или художественного образа в двух или более отдельных эпизодах своей “Комедии”... Сатана греко-латинской средневековой традиции делится на Люцифера и на Гериона... Герион в конечном итоге представляет собой символического змея византийского искусства» [20, р. 218–219]. Говоря о том, что образ Гериона вдохновлен византийским искусством, Забугин имеет в виду два основных иконографических образа: змея-искусителя прародителей и длинного извивающегося змея с иконы Страшного суда.

В «Раю» византийским искусством навеян образ мистической розы. Забугин полагает, что мы можем видеть этот образ (и Данте мог его видеть) в иконографии Всех Святых на итальянских изображениях рая византийского письма эпохи треченто. Здесь Забугин, конечно, приводит в пример мозаичный купол флорентийского баптистерия Сан-Джованни, ту его часть, где изображен рай. Исследователь пишет: «Данте единоклубен не только с флорентийской мозаикой, но и с любой греческой или славянской иконой Рая» [20, р. 221].

Хотя Забугин и считает, что живя в Равенне, пронизанной памятью о славном прошлом Византии, Данте так и остался равнодушен к истории и культуре Восточной Римской империи, всё же русский исследователь не может не подчеркнуть тот факт, что возвышенный образ императора Юстиниана, предстающий перед нами в VI песне «Рая», определенно навеян величественным мозаичным образом императора из равеннской базилики Сан-Витале. Православная Церковь прославила Юстиниана и его супругу августу Феодору в лике святых. А вот в святцах Католической церкви нет имен ни Юстиниана, ни Феодоры. Несмотря на это, Данте, не церемонившийся в своей «Божественной Комедии» с современными ему папами Николаем III, Бонифацием III и Климентом V, которых он поселяет в аду, душу императора Юстиниана встречает в раю в сиянии присносущного Света. «У певца Рая, – считает Забугин, – были особые причины благоволить Юстиниану. Он показывает его как законодателя, вдохновленного самим Богом, как верующего, принявшего истинную веру под влиянием папы Агапита I, как завоевателя Италии... Имейте в виду, – продолжает исследователь, – что во всем этом эпизоде (эпизод явления души Юстиниана поэту в Раю. – *О.К.*) Греческая церковь практически отсутствует: Данте не знает или не говорит, кто был родоначальником монофизитской ереси, и были ли во времена Юстиниана в Византии люди, противостоявшие ей» [20, р. 212].

Забугин исследует и то, как учение Восточных Отцов Церкви – в первую очередь Ефрема Сирина и Иоана Дамаскина – проникает в ткань «Божественной Комедии», как за образом Беатриче стоит византийский культ Софии Премудрости Божией, как мытарства блаженной Феодоры – этого удивительного памятника византийской апокалиптической литературы – перекликаются с загробным путешествием поэта. Все эти переклички и взаимовлияния культуры западного и восточного миров в «Комедии» являются, согласно Забугину, «знаком морального и духовного единства христианской Европы» [21, р. 17].

В статьях о Данте из «Roma l'Oriente» и особенно в более позднем монографическом произведении Забугина «Классический средневековый загробный мир Данте в эпоху Возрождения» (1922), где он еще сильнее артикулирует византийские и греческие корни «Комедии», наряду с латинскими, романскими и готическими, мы находим массу примеров влияния греко-византийского искусства на Данте. Подводя итоги своему исследованию дантовского загробного мира, Забугин делает важный вывод о том, что

очевидная связь с восточным искусством, которая прослеживается у поэта, вероятнее всего совершенно бессознательная, впитанная через окружавшие его образы, только подтверждает тот факт, что две формально и доктринально разделенные Церкви фактически оставались еще несколько веков едины в искусстве. Данте, его «Божественная Комедия» являет собой один из последних значительных случаев такого единства.

\*\*\*

Стремление к единению между двумя мирами – православным и католическим, между Востоком и Западом, попытка осуществления их объединения в актуальной Забугину действительности и поиск следов утраченной общности в прошлом пронизывают всё наследие русско-итальянского автора. Проект журнала «Roma e l’Oriente», редакторская и авторская деятельность Забугина в нем и вообще вся совокупность его трудов чем-то перекликаются с деятельностью знаменитых греческих и византийских интеллектуалов эпохи Возрождения, которые также пытались найти пути к преодолению разрыва. В своем предисловии к посмертно изданной книге Владимира Забугина «История христианского Возрождения в Италии» (1924) итальянский филолог и литературный критик Энрико Каррара отмечает, что автор сказал «новое слово в старой истории итальянской цивилизации» [13, р. VIII]. Нужно отметить, что Забугин, кропотливо собирая и анализируя литературные и художественные свидетельства контактов греко-византийской культуры и латинского мира, определенно сказал новое важное слово и в истории взаимоотношений христианского Востока и Запада.

### **Список литературы**

1. Данте Алигьери. Монархия / пер. с итал. В.П. Зубова; Комментарии И.Н. Голенищева-Кутузова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. 192 с.
2. Данте Алигьери. Божественная Комедия / пер. с итал., комментарии М.Л. Лозинского. М.: Правда, 1982. 640 с.
3. Забугин В.Н. Византийские историки и итальянские гуманисты // Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе: К 40-летию профессор. деятельности. 1873–1913. СПб.: Тип. Акц. Общ. «Брокгауз-Ефрон», 1914. С. 69–91.
4. Забугин В.Н. Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. 252 с.
5. Кусенко О.И. Владимир Николаевич Забугин – итальянский рецензент русской мысли // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 158–169.
6. Кусенко О.И. Приложение. Владимир Забугин. Золотая цепь (фрагмент из книги «История христианского Возрождения в Италии») // История философии. 2022. № 2. С. 116–128.
7. Котрелёв Н.В. Из неизданного и несобранного Владимира Соловьёва: письмо О.К. Нотовичу, 28(?) февраля 1890 г. – тип византийца XI века // Соловьёвские исследования. 2010. № 1. С. 61–69.

8. Надзаро А. *A bono in bonum*. В.Н. Забугин, от «Судьбы Вергилия» до «Христианского Возрождения в Италии» // Россия-Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX вв. СПб.: Алетейя, 2014. С. 205–224.
9. Рицци Д. Забугин Владимир Николаевич // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2019. С. 262–265.
10. Селунская Н.А. Чужая страна прошлого, или История с географией. Помпоний Лэт и Владимир Забугин // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 17–29.
11. Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // В.С. Соловьев. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Великий спор и христианская политика. М.: АСТ, 2011. С. 221–323.
12. Campana A. *Vladimiro Zabughin (1880-1923) e la filologia umanistica in Italia* // Giovanardi A. *Pensare il confine. Vladimiro Zabughin tra Oriente e Occidente*. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2021. P. 195–243.
13. Carrara E. *Introduzione* // V. Zabughin, *Storia del Rinascimento Cristiano in Italia*. Milano: Treves, 1924. P. VII–VIII.
14. Giovanardi A. *Pensare il confine. Vladimiro Zabughin tra Oriente e Occidente*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2021. 274 p.
15. Grottaferrata. *Due feste famigliari. Roma e l’Oriente*. 1915. № X. P. 81–82.
16. Zabughin V. *Giulio Pomponio Leto. Saggio critico. Vol. I*. Roma: La Vita Letteraria, 1909. 381 p.
17. Zabughin V. *Giulio Pomponio Leto. Saggio critico. Vol. II*. Roma: Tipografia Italo Orientale «San Nilo», 1910–1912. 235 p.
18. Zabughin V. *Il nostro periodico* // Roma e l’Oriente. 1910. № I. P. 3–11.
19. Zabughin V. *L’incontro con un cercatore di Dio* // Roma e l’Oriente. 1915. № IX. P. 252–269.
20. Zabughin V. *Dante e la Chiesa Greca. Noterella critica* // Roma e l’Oriente. 1915. № X. P. 211–223.
21. Zabughin V. *Ancora Dante e la Chiesa Greca* // Roma e l’Oriente. 1916. № XI. P. 9–17.
22. Zabughin V. *Marco Gerolamo Vida – Leonardo Sforza degli Oddi e la Chiesa Greca* // Roma e l’Oriente. 1915. № X. P. 121–128.
23. Guarino da Verona e l’Oriente // Roma e l’Oriente. 1918. № VIII. P. 102–109.
24. Zabughin V. *Dante e l’Oriente* // Roma e l’Oriente. 1921. № XXI. P. 6–19.
25. Zabughin V. *Dante e l’iconografia d’oltretomba. Arte bizantina, romanica, gotica. Con centocinquantacinque illustrazioni in tavole fuori testo*. Milano-Roma: Alfieri, 1921. 46 p.
26. Zabughin V. *L’oltretomba Classico Medievale dantesco nel Rinascimento. Parte prima. Italia: secoli XIV e XV*. Roma: Pontificia Accademia degli Arcadi, 1922. 171 p.
27. Zabughin V. *Vergilio nel Rinascimento italiano da Dante a Torquato Tasso. Fortuna, studi, imitazioni, traduzioni e parodie, iconografia. Vol. I. Il Trecento ed il Quattrocento*. Bologna: Zanichelli, 1921. 402 p.
28. Zabughin V. *Vergilio nel Rinascimento italiano da Dante a Torquato Tasso. Fortuna, studi, imitazioni, traduzioni e parodie, iconografia. Vol.2. Il Cinquecento*. Bologna: Zanichelli. 1923. 496 p.
29. Zabughin V. *Storia del Rinascimento Cristiano in Italia*. Milano: Treves, 1924. 376 p.

## **IN SEARCH OF UNITY. VLADIMIR ZABUGIN ABOUT DANTE, ITALIAN HUMANISTS AND BYZANTIUM**

**O.I. Kusenko**

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow

Vladimir Sergeevich Solovyov with his concept of the reconciliation of Eastern and Western Churches inspired a generation of thinkers of the Russian Religious-Philosophical Renaissance to search for the possible intellectual paths towards the restoration of Christian unity. The present article examines Vladimir Nikolaevich Zabughin's engagement in Orthodox-Catholic reconciliation project «Roma e l'Oriente»: his editorial and publishing activities on the pages of this journal, which were published in Italy in the first decades of the 20th century. The unity between Christian East and West was one of the main aspirations of Vladimir Zabughin, to which he subordinated his entire personal and scientific life. The problem of contacts between Italian intellectuals and Greco-Byzantine and Slavic cultural traditions during the Renaissance became one of the central theme in Zabughin's Renaissance studies.

**Keywords:** *V.N. Zabugin, renaissance studies, Italian Renaissance, the concept of the reconciliation of Eastern and Western Churches, V.S. Soloviev, «Roma e l'Oriente» journal, Dante.*

*Об авторе:*

КУСЕНКО Ольга Игоревна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории западной философии ФГБУН «Институт философии РАН», г. Москва. E-mail: isafi137@gmail.com

*Author information:*

KUSENKO Olga Igorevna – PhD, Senior Research Fellow at the Department of Western Philosophy of Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: isafi137@gmail.com.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 15.10.2023.